

RU

Прецедентные имена собственные как средство реализации иронии
в современной массовой коммуникации

Крюкова И. В.

Аннотация. Цель данного исследования – определение роли прецедентных имен собственных как эффективного средства реализации иронии в современной массовой коммуникации. Полученные результаты показали, что в текстах массовой коммуникации последних тридцати лет иронический эффект достигается за счет семантической трансформации прецедентного имени (переосмысления эталонного признака), сопровождаемой графической трансформацией (заменой прописной буквы на строчную и наличием кавычек). Процесс переосмысления проходит в несколько этапов на протяжении всего рассматриваемого периода, в результате развивается многозначность прецедентного имени и формируются значения, противоположные в эмоционально-оценочном плане. Выделяются типовые синтаксические конструкции и интенсификаторы иронического значения: восклицания, риторические вопросы, устойчивые сочетания прецедентного имени с местоимениями и частицами. Научная новизна проведенного исследования заключается в выявлении способов реализации иронии, локализованной в прецедентном имени собственном, и установлении происходящих при этом семантических и графических трансформаций прецедентного имени, которое ранее отдельно не рассматривалось как ироническая номинация в массовой коммуникации.

EN

Proper precedent names as a means of realizing irony
in modern mass communication

I. V. Kryukova

Abstract. The aim of this research is to determine the role of precedent proper names as an effective means of realizing irony in modern mass communication. The results show that in mass communication texts of the last thirty years, the ironic effect is achieved through the semantic transformation of the precedent name (reinterpretation of the referential attribute), accompanied by graphic transformation (replacement of a capital letter with a lowercase letter and the use of quotation marks). The process of reinterpretation occurs in several stages throughout the period under consideration, resulting in the development of polysemy in the precedent name and the formation of meanings that are opposite in their emotional and evaluative plane. Typical syntactic constructions and intensifiers of ironic meaning are identified: exclamations, rhetorical questions, and stable combinations of the precedent name with pronouns and particles. The scientific novelty of this research lies in identifying the ways irony is realized, localized in the precedent proper name, and establishing the accompanying semantic and graphic transformations of the precedent name, which has not previously been considered separately as ironic nomination in mass communication.

Введение

Данная статья посвящена одной из функциональных особенностей прецедентного имени – способности служить средством выражения иронии в современной массовой коммуникации. Актуальность исследования определяется значительными изменениями, происходящими буквально на глазах исследователя, как в средствах выражения иронии, так и в функциональной активности прецедентных имен собственных. С одной стороны, мы наблюдаем выход иронии за пределы сатирических жанров и наполнением ее новыми смысловыми оттенками, а также расширение дискурсивных практик, на которые в последние годы распространяется ирония; с другой стороны, становится очевидным увеличение арсенала языковых средств реализации иронии, среди которых в последнее время все более заметное место стали занимать прецедентные имена собственные. Считаем, что происходящие изменения требуют отдельного исследования, которое может внести вклад как в теорию иронии, так и в теорию имени собственного.

В соответствии с целью были поставлены задачи: 1) отбор прецедентных имен, которые в современной массовой коммуникации последних тридцати лет устойчиво употребляются в переносном значении для создания иронического эффекта; 2) определение последовательных семантических и графических трансформаций прецедентного имени при его использовании в иронических контекстах; 3) выявление роли контекстуальных интенсификаторов, влияющих на интенсивность иронического значения прецедентного имени.

Теоретическую базу исследования составили работы отечественных и зарубежных лингвистов, в которых, во-первых, уточняется объем понятия «ирония», описываются ее свойства и функциональные особенности в разных типах дискурса; во-вторых, определяются основные признаки, позволяющие квалифицировать то или иное имя как прецедентное. Не останавливаясь подробно в рамках данной статьи на определении иронии и ее свойствах, отошлем к обзорам разных точек зрения на данный феномен, представленный в отечественных исследованиях (Шилихина, 2010; Ермакова, 2022; Горностаева, 2024) и зарубежных (Hutcheon, 2005; Attardo, 2007; Alba-Juez, 2014). Несмотря на некоторые разногласия, практически во всех дефинициях иронии отмечается, что она имеет скрытый смысл, противоречащий явному, и способна выражать отрицательную эмоциональную оценку (насмешку, пренебрежение, осуждение и др.) под видом одобрения или похвалы. Большой накопленный материал закономерно привел к выводу о неоднородности риторической таксономии, согласно которой ирония рассматривается как троп, стоящий в одном ряду с метафорой, метонимией, гиперболой и др. Фактически ирония взаимодействует со всеми видами тропов, образуя «ироническую метафору, ироническую метонимию, гиперболу, литоту, сравнение» (Ермакова, 2022, с. 75), и, по сути, «не является ни тропом, ни фигурой, наоборот, тропы и фигуры зачастую оказываются теми самыми ингредиентами, из которых каждый раз заново “готовится” ирония» (Шилихина, 2014, с. 165).

В таком широком понимании ирония рассматривается как дискурсивная практика, выходящая далеко за пределы сатирических жанров и использующаяся в текстах на весьма серьезные темы. Дискурс массовой коммуникации конца XX – начала XXI в. в этом отношении особенно показателен. Многие исследователи рассматривают иронию как форму социальной оценочности, называют иронию ведущей стилевой чертой массовой коммуникации на фоне либерализации языка СМИ (Солганик, Клушина, 2014; Клушина, 2020).

В отечественных исследованиях последнего времени активно анализируются разнообразные языковые средства выражения иронии в текстах массовой коммуникации: фонетические, лексические, морфологические, синтаксические, стилистические, графические (Горностаева, 2024; Кудрявцев, 2024; Зверева, Кочкина, Дрожжина, 2024). При этом имена собственные или совсем не рассматриваются, или упоминаются фрагментарно в одном ряду с другими языковыми средствами, используемыми для выражения иронии. Между тем, по нашим данным, имена собственные потенциально способны к выражению иронии, и данная проблема заслуживает отдельного рассмотрения.

Как нами было отмечено ранее, у широко известных имен, когнитивно и эмоционально значимых на определенном этапе социального развития, формируется и с течением времени развивается аксиологическая коннотация – «сложный компонент семантики онима, который отражает отношение носителей языка к внутренней форме имени или к субъекту/объекту номинации, получившему широкую известность в определенном языковом коллективе в определённый исторический период» (Крюкова, 2019, с. 265). Наиболее ярко аксиологическая коннотация представлена у имен собственных с признаками прецедентности, среди которых в качестве основных выделяются широкая известность, регулярная воспроизводимость, неденотативное использование в качестве культурного знака, эталона определенных признаков (см. обзор в работе (Нахимова, 2011)), при сочетании которых обнаруживается способность прецедентного имени к метафорическому употреблению.

Однако в многочисленных работах, посвященных прецедентным именам, зачастую не учитывается, что при метафорическом употреблении нередко авторы текстов массовой коммуникации заменяют эталонный признак прецедентного имени на противоположный и используют имя для создания иронического эффекта.

Практическое значение проведенного исследования заключается в возможности использования его результатов, во-первых, в практике преподавания вузовских курсов языкознания и стилистики русского языка, а также специальных курсов по медиалингвистике и ономастике; во-вторых, в лексикографической практике – при составлении словарей прецедентных имен собственных.

При выборе материала исследования мы исходили из доказанного положения о том, что ирония приобретает особое значение в переломные моменты существования общества, когда в повседневную жизнь входят новые понятия, неоднозначно оцениваемые обществом, или возникает необходимость переосмысления устоявшихся понятий. В этом отношении особенно показательны имена собственные, которые приобрели отмеченные выше признаки прецедентности в последние тридцать лет. К примеру, начиная с повсеместного открытия в начале 1990-х годов видеосалонов, в которых демонстрировались голливудские фильмы, и показа по телевидению первых зарубежных сериалов, в сознании носителей русского языка закрепились названия многих культовых кинофильмов, имена киногероев и голливудских актеров. Как это и бывает в сложные исторические периоды, в конце 1980-х – начале 1990-х в России стали популярны имена прорицателей и целителей, а расширение информационного пространства пополнило список актуальных прецедентных онимов именами значимых персон, известных по всему миру, в том числе именами актеров, политиков, звезд спорта и шоу-бизнеса. Так, после смены общественного строя, начиная с 1990-х годов по настоящее время, в русском культурном пространстве стали частотны прецедентные имена *Нострадамус*, *мать Тереза*, *Шумахер*, *Сбербанк*, *Голливуд*, *Рэмбо*, *Шварценеггер*, *Брэд Питт*, *рабыня Изаура*, *Санта-Барбара* и др.

Единицей анализа стали иронические высказывания с данными именами, последовательно отобранные путем ориентированного поиска из двух источников. На первом этапе исследования использовался материал из Национального корпуса русского языка (основной и газетный подкорпусы) (НКРЯ. <http://www.ruscorpora.ru>). Хронологическое расположение контекстов в этом общедоступном ресурсе русскоязычных текстов СМИ и массовой художественной литературы позволяет увидеть последовательные семантические преобразования прецедентного имени, т. е. определить точное время, когда то или иное имя начинает употребляться в иронических контекстах, и проследить, как оно с течением времени изменяет свое значение. Однако частотность употребления имен с признаками прецедентности в НКРЯ недостаточно высокая, поэтому на втором этапе исследования мы обратились к дополнительному источнику – интернет-архиву российских СМИ, включающему в том числе наиболее актуальную региональную прессу за последние тридцать лет (East View. <https://lib.ranepa.ru/ru/informatsionnyeresursy/russkoyazychnye-resursy/57-east-view>). Это позволило добавить контексты, не включенные в НКРЯ. В дальнейшем данный материал был дополнен нашими непосредственными наблюдениями за функционированием прецедентных имен в телепередачах, массовой литературе и интернет-коммуникации. На правомерность такого расширенного подхода к сбору ономастического материала с использованием корпусных данных обращали внимание отечественные и зарубежные исследователи имен собственных (Нахимова, 2013; Motschenbacher, 2020).

При толковании значений слов, употребляемых в типовых синтаксических конструкциях с прецедентными именами в иронических контекстах, использовалось академическое издание толкового словаря русского языка (Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Русский язык, 1981-1984).

В настоящее время наша постоянно пополняющаяся картотека составляет около 1000 контекстов с прецедентными именами, которые устойчиво употребляются в ироническом значении. За каждым из приведенных далее примеров стоит корпус однотипных контекстов. Следует также отметить, что некоторые из рассмотренных далее прецедентных имен выходят из употребления, однако и они представляют интерес для данного исследования, т. к. характеризуют ценностные установки носителей русского языка и культуры на определенном временном отрезке внутри рассматриваемого периода.

При отборе и анализе материала использовалась комплексная методика с последовательным применением трех лингвистических методов: контекстуального анализа – при отборе текстовых фрагментов, в которых прецедентные имена служат средством реализации иронии, и обобщении похожих значений в однотипных текстовых фрагментах; компонентного анализа – при определении по каждому прецедентному имени устойчивых признаков (коннотативных сем), характерных для его функционирования в иронических высказываниях; стилистического анализа – при характеристике функциональной маркированности высказываний с прецедентными именами (ироничное, разговорное, пренебрежительное и т. п.).

Обсуждение и результаты

Анализ показал, что при прямом выражении иронии – употреблении в смысле, обратном буквальному, – переосмысливается эталонный признак прецедентного имени, и этот процесс проходит в несколько этапов. Проиллюстрируем данное поэтапное переосмысление на примере прецедентного имени *Нострадамус* в иронических высказываниях, содержащих оценку псевдопрорицателей, шарлатанов и обманщиков.

Популярность Нострадамуса, известного европейского прорицателя, не угасает уже более 450 лет. При этом всплески интереса к предсказаниям Нострадамуса приходятся на «смутные» времена в жизни той или иной страны. Не случайно пророчества Нострадамуса стали широко известны и популярны в России в конце XX – начале XXI в. Причем вначале в подобных высказываниях, как правило, содержалась негативная характеристика конкретного человека, прогнозы которого не сбываются. При таком употреблении сохраняется основная функция имени собственного – номинация единичного объекта – и прописная буква у данного имени тоже сохраняется, как, например, в следующем высказывании, содержащем намек на Н. С. Хрущева, разработавшего план построения коммунизма в Советском Союзе: *Давайте вспомним первого нашего Нострадамуса – ну, того, который предсказывал нам, что с 1980 года мы будем жить при коммунизме* (Известия. 23.04.2002).

В последующие двадцать лет популярность предсказаний Нострадамуса в нашей стране снизилась, однако определенный интерес к ним сохраняется. При этом значение имени расширяется, к коннотативной семе ‘псевдопрорицатель’ добавляется коннотативная сема ‘шарлатан, обманщик’. Именно в таком значении оно становится частотным в иронических высказываниях и используется уже не только для оценки действий отдельного человека, но и для обобщенной характеристики тех, кто намеренно обманывает людей: *Начинает такой «нострадамус» рассказывать о вашем будущем, перебирает множество разных фактов – ведь жизнь большинства людей довольно стандартная. И смотрит на вашу реакцию* (Комсомольская правда. 18.03.2013). Причем это имя может использоваться при характеристике целых организаций, которые, по мнению автора речи, не могут предвидеть что-либо или адекватно отображать текущие события: *«Нефтяные нострадамусы» от ОПЕК и Международного энергетического агентства (МЭА) регулярно выпускают свои отчеты, и каждый раз с обновлениями* (Московский комсомолец. 13.12.2016).

Здесь и далее мы наблюдаем появление с течением времени не только лексических, но и графических трансформаций прецедентного имени как средства выражения иронии – замену прописной буквы на строчную и наличие кавычек, которые подчеркивают нестандартное употребление имени собственного, а также усиливают ироническую оценку. В результате исходный эталонный признак (Нострадамус – ‘предсказатель’) переосмысливается.

Прецедентное имя, используемое в качестве ироничной номинации, может служить не только инструментом социальной оценки, критики актуальных явлений современной жизни, как это показано в приведенных выше примерах, но и средством добродушной иронии-шутки: «Сорочинский Куршавель» дяди Пети получил статус горнолыжной базы (заголовок). В Сорочинском городском округе открылась обновленная горнолыжная база. <...> Петр Григорьев, дядя Петя, как его называют соседи, – создатель первого социального горнолыжного курорта России. Отличники и хорошисты могут кататься бесплатно. Пенсионер вложил в бесплатную горнолыжку более 10 лет жизни. Местный «Куршавель» пользуется популярностью (АиФ-Оренбург. 22.12.2017). Здесь переосмысление эталонного признака происходит за счет фиксации объекта макроуровня (дорогой и престижный, всемирно известный горнолыжный курорт) на микроуровне (небольшая горнолыжная база для небогатых людей).

Кроме того, регулярное употребление одних и тех же прецедентных имен в качестве ироничной номинации в однотипных контекстах способствует порождению новых коннотаций и развитию многозначности прецедентного имени. В результате формируются переносные значения, антонимичные в эмоционально-оценочном плане.

Приведем в качестве показательного примера прецедентное имя *Рэмбо*. Так звали главного героя серии одноименных голливудских фильмов, ветерана войны во Вьетнаме, борца за справедливость в разных странах мира. В эпоху видеосалонов (конец 1980-х – начало 1990-х гг.), в которых часто демонстрировались голливудские боевики, оно стремительно приобретает признаки прецедентности. Образ Рэмбо, повлиявший на поп-культуру во многих странах, долгое время был популярен и в России, он ассоциативно связывался с русским офицером-ветераном, отстаивающим свободу и справедливость; готовым жертвовать собой ради спасения жизней других. Это имя неоднократно встречаем в позитивном переносном значении с сохранением эталонного признака прецедентного имени – ‘герой, борец за свободу и справедливость’: *Настоящий офицер: честный, справедливый, решительный. Капитан Юрий Альтишуль, командир разведроты спецназа ГРУ, русский Рэмбо, способный с ножом в руке остановить танк. Ветеран Афгана. Отличный парень, служивший державе* (Иванов А. Ёбург. Новеллы из книги. 2014); *Как русский «Рэмбо» наводил ужас на чеченских боевиков (заголовок). Анатолий Лебедь является легендой российского спецназа, который прошел пять войн. Служивцы дали ему прозвище «Русский Рэмбо». История жизни Анатолия поистине удивительная, и сложно поверить, что все совершенные им подвиги произошли на самом деле* (Удивительные истории. 09.12.2018).

Однако в связи с переоценкой в России многих западных ценностей в последние пять лет прецедентное имя *Рэмбо* в позитивном переносном значении вышло из употребления. Но практически параллельно оно употребляется в качестве иронической номинации в противоположном значении – ‘вооруженный преступник, оказывающий сопротивление правоохранительным органам’. В этом значении данное прецедентное имя в течение долгого времени используется как средство реализации иронии в новостных заметках о преступлениях, зачастую совершенных в других странах, при этом употребляется в сильной позиции заголовка: *В Новой Зеландии осаждают местного Рэмбо* (заголовок). *Полиция новозеландского городка Непьер осаждают жилой дом, где засел вооруженный мужчина, прозванный соседями местным Рэмбо* (Infox.ru. 08.05.2009); *В Германии спецназ и вертолеты ищут местного Рэмбо* (заголовок). *«Героем» стал некий Ив Рауш 31 года от роду. Рауш умудрился разоружить четырех стражей порядка и скрыться в лесу, прихватив их табельные пистолеты* (Российская газета. 13.07.2021).

Амбивалентность оценочных значений прецедентного имени *Рэмбо* и присутствие иронии в двух последних примерах совершенно очевидны. Эти несерьезные заголовки в контексте серьезных новостных событий, часто достаточно трагических, в целом характерны для российской публицистики, на что не раз обращали внимание исследователи массмедийного дискурса. По справедливому замечанию В. И. Карасика, «для многих носителей русской культуры настроенность на смешную тональность именно в серьезной ситуации общения, намеренное переворачивание условий общения является нормой» (2002, с. 254).

Данное положение подтверждает аналогичное использование и других хронологически близких имен с глобальной известностью в новостных заголовках публикаций о нарушении закона или криминальных событиях: *В Сызрани местный «тайсон» нокаутировал старушку* (заголовок). *В Самарской области посетитель супермаркета ударил кулаком в лицо 61-летнюю женщину* (Самара.онлайн. 14.09.2015); *«Шумахеры» на дорогах окажутся вне закона* (заголовок). *Генеральная прокуратура Казахстана предложила МВД предусмотреть в ПДД понятие «агрессивная езда», а также дополнить Административный кодекс соответствующими статьями* (drive2.com. 29.01.2013). Причем такое ироничное употребление известных имен не исключает их изначальных позитивных коннотаций в переносном значении, например, при номинации отечественных профессиональных гонщиков или боксеров, добившихся больших успехов. Ср.: *Русский «Шумахер»* (заголовок). *Российский автогонщик Виталий Петров, пять лет назад выступавший за «Максмотор-Ульяновск», уже в этом сезоне сядет за руль болида команды RENAULT, которая борется за чемпионский титул в самых престижных автогонках мира – «Формуле-1»* (Тулпресса. 11.02.2010); *Русский Тайсон: 13 боев и 13 нокаутов* (заголовок). *За свою технику бокса Ростислав Плечко получил прозвище «русский Тайсон»* (FishkiNet. 01.06.2020).

Таким образом, само по себе прецедентное имя в метафорическом употреблении может не иметь иронического значения, адресат опознает иронию только в контексте. Это согласуется с распространенной концепцией иронии, согласно которой значение иронического высказывания двупланово: оно одновременно несет в себе и прямое, буквальное значение, и значение косвенное, и именно соотношение этих двух планов значения порождает скрытое отрицание (Attardo, 2007). Так за счет ироничных номинаций в определенном контекстуальном окружении развивается многозначность прецедентного имени.

Для понимания способов реализации иронии необходимо обратиться к анализу типового контекстуально-окружения прецедентного имени в иронических высказываниях. Исследуя роль контекста в формировании

ценностного компонента слов русского языка в медиадискурсе, Т. Б. Радбиль вводит понятие «наведенной оценочности», под которой понимает «разновидность неявной, скрытой оценочности, которая не отражена в словарных толкованиях лексем, то есть в их системно-языковых значениях. <...> Она имплицитруется непосредственным контекстным окружением диагностируемой единицы, под влиянием определяемого или определяющего слова, однородных слов, интенсификаторов или конкретизаторов и пр.» (2023, с. 97). Как показал анализ нашего материала, к интенсификаторам, имплицитующим иронический смысл высказывания, относятся устойчивые сочетания прецедентных имен с некоторыми местоимениями и частицами, а также их использование в типовых синтаксических конструкциях.

Прежде всего стоит отметить разговорные усилительные частицы *просто* и *прямо* в препозиции, часто в сочетании с усилительной частицей *ну*, в составе восклицательных предложений: – *Слушаем его – ну прямо Мать Тереза! – рассказывают оперативники про задержанного на днях Александра Коровина* (Комсомольская правда. 28.04.2003); – *Ой, ой, – издевается Нинка, – ну, просто рабыня Изаура! – А что? Сколько километров в день накручиваю своими ногами, тяжеленные сумки таскаю, на даче пашу* (Мальцева И. Билет в одну сторону. 2019). Значение синонимичных разговорных частиц *просто* и *прямо*, отмеченное в толковых словарях – ‘совершенно, действительно’ – подчеркивает полноту переосмысленного эталонного признака прецедентного имени.

Коннотация пренебрежения усиливается при сочетании отмеченных выше конструкций с неопределенным местоимением *какой-то* в постпозиции: *Прямо Голливуд какой-то, заложники в банке!* (РБК. 15.10.2015); *«Просто Санта-Барбара какая-то»*. *Лидер «СР – За правду» Сергей Миронов прокомментировал исключение Грудининой из списка КИРФ* (РИА Новости. 28.07.2021). Здесь проявляется потенциальная способность местоимения *какой-то* передавать и усиливать отрицательную эмоциональную оценку, на что указывает его значение, отмеченное в толковых словарях – ‘при назывании каких-либо свойств предмета, лица, вызывающих недоумение, удивление, досаду говорящего’.

Говоря о типовых синтаксических конструкциях с ироническими номинациями, отметим также частотность разделительных риторических вопросов, в которых вопросительное слово *что* отделяется запятой от прецедентного имени, содержащего ироническую оценку высказывания: *Все, говорю, уйду от вас. Что я, мать Тереза? И объяснил, куда им лучше всего поместить проект, который без меня повиснет* (Труд-7. 20.06.2006); – *Возьми, возьми, – недовольно проворчал Киса. – А «бабки» я где возьму? Я тебе что, Сбербанк, чтобы платить за всех за вас?* (Леонов Н. Отель с темными окнами. 2018). В последнем примере и некоторых других, приведенных ранее, в качестве дополнительного интенсификатора присутствует местоимение второго лица в дательном падеже (*тебе, вам*). Это, по определению Г. И. Кустовой (2012), экспрессивный, или «риторический», дательный, он является факультативным и вводится для достижения определенного риторического эффекта. В данном случае – для усиления иронии и ее обращения к адресату высказывания.

То же ироническое значение содержится в высказываниях с прямо выраженным экспрессивным отрицанием: *Время идет, счётчик тикает. И не смотри на меня удивлёнными глазами. Я тебе не Сбербанк, чтобы льготные кредиты выдавать* (Янушкевич С. Время – назад. 2019); *Стоять на страже закона очень даже тяжело. Милиционер – это вам не мать Тереза* (Комсомольская правда. 22.06.2010). Причем частица *не*, сочетаясь с прецедентным именем, может как усиливать отрицаемый признак, так и смягчать иронию. При смягчении иронии автор речи, желая оставаться в рамках приличия, намеренно снижает категоричность высказывания, но при этом дает достаточно точную оценку объекту иронии. К примеру, такая ироничная оценка с эксплицитно выраженным отрицанием эталонного признака может быть связана с характеристикой внешности героя: *Непонятно, куда смотрит, и глаза грустные, задумчивые. Щупленький, хотя и безмерный. Узкоплечий. Не Шварценеггер...* (Шкловский Е. Переулочек // Новый мир. 1998. № 4); *Голос явно не оперный, и внешне далеко не Брэд Питт. Но женщины почему-то сходят с ума...* (Пятница. 16.11.2018).

Так формируется типовая лексическая сочетаемость и типовые синтаксические конструкции с прецедентными именами, маркирующими иронический смысл высказывания.

Заключение

Рассмотренный материал позволяет сделать следующие выводы.

Проведенное исследование показало потенциальную способность имени с признаками прецедентности (широкая известность, аксиологическая значимость, регулярная воспроизводимость в переносном значении) служить средством создания иронии в текстах современной массовой коммуникации. Иронический эффект достигается за счет семантической трансформации прецедентного имени – расширения значения, сопровождаемого переосмыслением эталонного признака, а также графической трансформацией – заменой во многих контекстах прописной буквы на строчную, иногда с добавлением кавычек, что служит формальным знаком нестандартного, ироничного значения имени.

По нашим наблюдениям, этот процесс происходит в несколько этапов. Динамические сдвиги в значении одних и тех же прецедентных имен, употребляемых в качестве ироничной номинации в однотипных контекстах, с течением времени приводят к порождению новых коннотаций и развитию многозначности прецедентного имени. В результате у одного и того же имени формируются переносные значения, антонимичные в эмоционально-оценочном плане.

При этом интенсивность рассмотренных иронических значений прецедентного имени напрямую зависит от его ближайшего контекстуального окружения. Анализ показал частотность использования прецедентного

имени в типовых синтаксических конструкциях и в устойчивых словосочетаниях с повторяющимися интенсификаторами иронического значения (частицами и местоимениями), которые усиливают иронический смысл высказывания.

Таким образом, полученные результаты дополняют существующие представления как о языковых средствах выражения иронии, так и о функциональных особенностях прецедентного имени.

Перспективы дальнейшего исследования мы видим в выявлении семантических трансформаций прецедентного имени как эмоционально-выразительного средства в других дискурсивных практиках, включая разговорную речь и интернет-коммуникацию.

Источники | References

1. Горностаева А. А. Социокультурные и лингводискурсивные характеристики иронии // *Litera*. 2024. № 3.
2. Ермакова О. П. Ирония и ее роль в жизни языка. Изд-е 4-е, стер. М.: Флинта, 2022.
3. Зверева Е. А., Кочкина Е. Л., Дрожжина А. А. От иронии к постиронии: средства выражения «новой искренности» в журналах «Правила жизни» и «The New Yorker» // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание*. 2024. Т. 23. № 2.
4. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
5. Клушина Н. И. Мультимедиаальный код языка и его роль в политической лингвистике // *Политическая лингвистика*. 2020. № 6 (84).
6. Крюкова И. В. Аксиологическая коннотация имени собственного // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2019. Т. 12. Вып. 10. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.10.57>
7. Кудрявцев А. А. Ирония и ее роль в политической коммуникации (на материале британского телевизионного сериала “Yes, Minister!”) // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2024. Т. 17. Вып. 5. <https://doi.org/10.30853/phil20240232>
8. Кустова Г. И. Дательный падеж: материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. 2012. https://rusgram.ru/Дательный_падеж
9. Нахимова Е. А. Использование корпусной методологии при сопоставительном изучении прецедентных имен // *Политическая лингвистика*. 2013. № 3 (45).
10. Нахимова Е. А. Прецедентные онимы в современной российской массовой коммуникации: теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования: монография. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2011.
11. Радбиль Т. Б. Наведенная оценочность как объект лингвокультурологического изучения: опыт корпусного анализа интернет-медиа // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6. Языкознание*. 2023. № 3.
12. Солганик Г. Я., Клушина Н. И. Публицистический стиль, или газетно-публицистический стиль, или стиль массовой коммуникации // *Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник / под ред. А. П. Сквородникова*. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014.
13. Шилихина К. М. Семантика и прагматика вербальной иронии: монография. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2014.
14. Шилихина К. М. Современные теории иронии // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2010. № 1.
15. Alba-Juez L. Irony as inferred contradiction // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2014. № 4.
16. Attardo S. Irony as Relevant Inappropriateness // *Irony in Language and Thought: A Cognitive Science Reader / ed. by R. W. Gibbs Jr, H. L. Colston*. N. Y.: Lawrence Erlbaum Associates, 2007.
17. Hutcheon L. *Irony's Edge. The Theory and Politics of Irony*. N. Y.: Routledge, 2005.
18. Motschenbacher H. Corpus Linguistic Onomastics: A Plea for a Corpus Based Investigation of Names // *Names (A Journal of Onomastics)*. 2020. Vol. 68. Iss. 2.

Информация об авторах | Author information

Крюкова Ирина Васильевна¹, д. филол. н., проф.

¹ Волгоградский государственный социально-педагогический университет

Irina Vasilevna Kryukova¹, Dr

¹ Volgograd State Socio-Pedagogical University

¹ kryukova-irina@ya.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 13.02.2025; опубликовано online (published online): 26.03.2025.

Ключевые слова (keywords): ирония; прецедентное имя; семантическая трансформация; графическая трансформация; интенсификаторы иронии; irony; precedent name; semantic transformation; graphic transformation; irony intensifiers.